

Читай меня вслух. Том 1

Автор:

Женя Юркина

Читай меня вслух. Том 1

Женя Юркина

Это осенняя история про девушку, которая видела в окнах созвездия. Ее руки пахли кофе и были перепачканы чернилами. Она дружила с книгами и спорила с реальностью.

Но однажды ее привычный мир разрушит он – шутник, что представился книжным персонажем и затеял со своим писателем игру в воображение.

Женя Юркина

Читай меня вслух. Том 1

© Женя Юркина, 2020

© Издание, оформление. Animedia Company, 2020

Часть 1

Воображение

Глава 1

Стертые страницы

Она так часто смотрела в окно, что успела выучить наизусть все грязные следы на стеклах, которые никто никогда не мыл. Сегодня это напоминало карту звездного неба. Ей казалось, что если взять карандаш и соединить точки, получатся созвездия. В попытках подобрать им названия она совсем забыла о реальности.

– Катерина!

Громкий оклик, как взрыв, уничтожил воображаемые галактики.

Оторвав взгляд от окна, Катя увидела перед собой скрещенные руки главного редактора – этот жест предупреждал, что нужно готовиться к выговору. И он последовал незамедлительно:

– Почему до сих пор нет статьи о беспрецедентном случае на Ленина?

– Я как раз думаю над названием статьи, Раиса Егоровна, – ответила Катя и улыбнулась (исключительно для убедительности своих слов). Язык заплетался то ли от волнения, то ли от сложного набора звуков. РА-И-СА-Е-ГО-РОВ-НА... право пользования ее именем можно было продать логопеду.

– К завтрашнему утру жду готовый материал. Заставь свою кукольную голову работать быстрее! – Главред исподлобья зыркнула на подчиненную и покинула кабинет. Дверь с грохотом захлопнулась, вторя рассерженной начальнице.

Предположим, что кого-то заинтригует упомянутый здесь беспрецедентный случай. Один представит себе нашествие инопланетян, другой – дерзкое ограбление банка. Но всех ждет разочарование. Придержите-ка свое воображение, ведь на улице Ленина прорвало водопроводную трубу! Здесь новость спешит откланяться: делает кривоногий реверанс и уступает место другой. Удивляться не стоит. Для главного редактора «Городского вестника» и драка котов – уже инфоповод.

Катя совершенно иначе воспринимала события, но это не спасло ее от самой скучной должности в редакции – колумниста раздела «Коммунальные хроники». За полгода работы она собрала такой архив сведений, что ей казалось, будто в городе ничего больше не происходило. Именно в ее «сенсационных новостях» отключалось отопление, падали сосульки и не вывозили мусор. До омерзения скучно!

В редакции Катя чувствовала себя неуютно и одиноко: как фарфоровая чашка, угодившая в распивочную. Ощущение, будто ты не на своем месте, – так это называется. Кате было положено обитать в сказочном домике с видом на звезды. Реальность же ограничивалась четырьмя белеными, почти больничными, стенами и экраном монитора. Она как могла пыталась найти в этой рутине место фантазии и сказке, но все, что удавалось, – рассматривать грязные стекла, воображая галактики в пределах оконной рамы.

Воображаемый мир лопнул, как мыльный пузырь. Катя шлепнулась в реальность, явственно ощутив и неудобное кресло, и запах дешевого растворимого кофе, который уже въелся в стены редакции. Она провела ладонью по шершавой от трещин столешнице, а потом – по гладким страницам блокнота. Решительно сжала карандаш и стала что-то записывать. Едва взглянув на эти идеальные буквы, можно было понять, что здесь нет случайных слов, каждое прочувствовано, выверено... Поэтому она никогда не писала рабочие тексты от руки, а выстукивала их на клавиатуре. Компьютер равнодушно принимал символ за символом и без следа стирал ненужное. Зато бумага помнила все: ошибки, зачеркнутые слова, неровность почерка, – поэтому ей доверялись творческие заметки и сокровенные мысли.

Кате пришлось вернуться за компьютер. Суровый образ начальницы еще витал в кабинете, напоминая о недописанной статье. Долгое время курсор топтался на одной строчке, но после перерыва на кофе дело пошло быстрее. Покончив с работой, Катя снова принялась писать в блокноте. На полуслове грифель предательски сломался. В этот же миг из-за соседнего стола раздался невнятный набор звуков. Однако жевать булку и изъясняться одновременно у девушки не получалось, поэтому она громко мычала и размахивала руками, указывая на дверь, что значило: «Пора домой».

Это старалась Дарья. В «Городском вестнике» она вела колонку криминальных новостей и выглядела так, словно сама же их создавала. Крепко сложенная, широкоплечая, с грубыми чертами лица, она могла бы легко влиться в банду, затерявшись среди «своих», и вести сенсационные репортажи прямо с места событий. Но внешний облик полностью противоречил ее внутреннему содержанию: доброму, чуткому и ранимому. Наверно, когда природа создавала Дарью, то выбирала ингредиенты с закрытыми глазами, кидая в кастрюльку случайный набор качеств и черт. Порой Катя думала, что их нарочно посадили вместе, объединив две противоположности, – мол, одна другую разговорит, а сама научится молчать. Но из этой затеи ничего не получилось: смешав соль и сахар, не получишь умеренно сладенького. Даже движения их имели разную громкость.

Катя щелкнула кнопкой, выключив компьютер, и бесшумно выпорхнула из-за стола; Дарья же долго шуршала целлофановым пакетом, потом, стуча каблуками, металась по кабинету, ища сумку, которая почему-то оказалась на подоконнике. Спускаясь по лестнице, Катя слышала только шаги Дарьи: бам-бам-бам! – точно она вколачивала гвозди в ступеньки.

Катя вышла из здания редакции и жадно втянула носом свежий воздух октябрьского вечера. Надела свой красный берет, чтобы не замерзли уши. А Дарья тут же нашла тему для разговора:

– Как твои новости поживают?

– Ждут награды за беспрецедентность. – Катя вздохнула и как-то невесело усмехнулась.

– Только не ной, и без твоих соплей тошно. У меня на повестке дня массовая драка и ограбление, а ни одна статья еще не готова.

Животрепещущие истории давно перестали пугать Дарью. Куда страшнее для нее был пустой файл текстового редактора, обнаруженный пятничным утром. Хроническое опоздание со статьями выходило у Дарьи еженедельно, как и сам «Городской вестник».

Собеседница отмалчивалась, поэтому Дарье пришлось сменить тактику.

– Хорошая погода сегодня. Прогуляюсь до парка и бахну чайку!

– Удивляюсь, как ты сохраняешь оптимизм, работая с криминальными сводками, – засмеялась Катя. На самом деле она удивлялась, как в Дарью помещается столько еды и жидкости. По ее подсчетам, коллега должна была лопнуть уже после четвертой кружки кофе, случившейся в полдень.

– Все просто, дорогуща! Перед уходом из редакции выбрасывай в урну свои дурные мысли. – Дарья подмигнула, гордо расправив и без того широкие плечи.

Теперь замолчали обе, потому что темы для разговора внезапно иссякли. Катя не любила беседы по необходимости, когда обсудить было нечего, а молчать – неудобно. Бессмысленная болтовня – всего лишь изящная форма лицемерия.

Наконец, они дошли до автобусной остановки, где и попрощались. Отделавшись от назойливой коллеги, Катя облегченно выдохнула. Теперь ничто не мешало вспомнить прошедший день и найти то, что достойно попасть в блокнот. Но сегодня оказалось таким серым и унылым, что Катя решила оставить только одну запись.

«Мне хочется видеть на стеклах не грязь, а созвездия», – на этих словах заметка прерывалась. Мысли, которые она не успела перенести на бумагу, роились в ее голове: составлялись фразы, перебирались слова и формулировки. Катя шла по тротуару, усыпанному листвой, и пинала носком ботинка каштаны. Когда удавалось выстроить удачное предложение, она останавливалась посреди улицы, выуживала из сумки блокнот и записывала. С мыслями следовало обращаться как с выпечкой: достать из головы прежде, чем они подгорят.

Листы заполнялись строчка за строчкой. Катя стояла под уличным фонарем, набрасывая новую заметку. Начавшийся дождь прервал ее – и блокнот пришлось прятать в сумку.

Непогода застала Катю рядом с книжным. Вместо того чтобы спрятаться под зонтом, она взбежала по ступенькам и юркнула в магазин. Здесь было непривычно многолюдно, будто все книжные в городе разом закрылись и остался только этот. Минуту очередь у кассы и стеллаж с новинками, девушка не могла избавиться от ощущения, что все на нее смотрят.

Катя нервно поправила непослушный локон, выбившийся из-под берета. Она не любила свои волосы за их ванильный оттенок и кудрявость. Не любила бледную кожу и будто фарфоровое личико, на котором зеленые глаза казались слишком большими и яркими. Словом, Катя не любила все, что делало ее похожей на куколку. Этот образ позволял людям считать, будто она глупая и наивная. Чтобы казаться взрослее, Катя превратила свои косы в каре и облачилась в черное лакированное пальто – но все равно получилась куколка, разве что винтажная. Ее пальто выглядело старомодным, зато отражало свет ламп и напоминало ночное море: от движений блики словно качались на волнах и ныряли в карман. Возможно, именно это и привлекало внимание окружающих.

Наконец Катя нашла тихий уголок и спряталась за стеллажом. Ей нравилось разглядывать книги в уединении: листать страницы, вдыхать запах новой бумаги и типографской краски...

Катя сощурилась, изучая книжные корешки на верхних полках. Свои очки она потеряла месяц назад – и теперь копила на новые. Поэтому убеждала себя, что зашла в книжный только ради любопытства, никаких покупок. Она решительно сжала кулаки и круто развернулась, чтобы уйти. Но в этот самый момент кто-то толкнул стеллаж с другой стороны. Катя успела отскочить, что и спасло ее от книги, упавшей с верхней полки. «Привет! Давай поговорим» – так она и называлась, будто бы самовольно прыгнула вниз, приметив собеседницу. Забавное совпадение. Катя улыбнулась своим мыслям и вернула книгу на место, напоследок шепнув ей: «Прости, но очки важнее». А потом поспешила к выходу, чтобы не передумать.

На следующее утро Катя защищалась от словесных нападков начальницы цифрами: считала до ста, а потом в обратном порядке. Это помогало держать себя в руках. Слова разбивались о выстроенный щит из мысленного счета.

В какой-то момент она сбилась, и голос начальницы обрушился на нее фразой:

– Тебя нанимали журналистом, а не сказочником!

Катя не понимала, что стало причиной этого выговора. Статью она добросовестно подготовила, потрудились над заголовком, однако главред негодовала. Когда громкие возгласы сменились брюзжанием, ее голос стал таким же серым и невнятным, как внешность. Тусклые глаза глядели с прищуром, нос картошкой противно шмыгал. Короткие волосы были какого-то неопознанного цвета, будто вылиняли. А завершал сей образ бежевый растянутый свитер, который предательски подчеркивал бесформенность тела. Вся целиком и по отдельности начальница напоминала мешок с картошкой. И когда она говорила, слова глухо перекатывались в горле, точно клубни внутри мешковины.

– Что-то не так? – наконец выдавила из себя Катя, стараясь придать голосу мягкость и учтивость.

– Не так? – Начальница швырнула на стол лист, исчерканный красным. – Как можно работать с таким материалом? Где факты? Где острота? Что за унылое графоманство! Жалко! Неинтересно!

– Извините, но я искренне не понимаю, как из прорванной трубы сделать интересную новость! – выпалила Катя и осеклась, словно еще не веря, что произнесла это вслух.

– Тогда я тоже не понимаю, как работать с такой бездарностью, – хмыкнула начальница и скомкала листок с таким ожесточением, точно представляла на его месте саму Катю. – Переделать сегодня же!

Смятый лист описал в воздухе дугу и приземлился в урну – виртуозную точность попадания развили в начальнице годы безжалостного редактирования. Катя почувствовала себя так, словно это ее скомкали и забросили на дно урны, к яблочным огрызкам и сигаретным окуркам. Она нашла в себе силы только на то, чтобы кивнуть и выйти из кабинета.

Иногда мы не понимаем, каким сильным оружием обладаем. Оно может пронзить самое сердце и засесть так глубоко, что не вытащишь. Имя такому

оружию – слово. Люди опрометчиво бросают колкие фразы, стараясь задеть побольней, точно представляют тебя мишенью для дартса, где попадание в яблочко принесет им призовые очки.

Катя решила, что эту мысль нужно записать, но только после того, как удастся успокоиться. Она стремительно зашагала по коридору, пытаясь скрыться от глаз любопытных коллег. Им не привыкать влезать в чужую жизнь. Людские истории стали частью их существования, и чем драматичнее они были, тем больше интереса вызывали. Появиться перед журналистом в слезах – это все равно что угодить к биологу под микроскоп.

Ей повезло – удалось проскользнуть в уборную незамеченной. Катя взглянула в зеркало, оценивая масштабы своей слезливой катастрофы: тушь поплыла, а бледное лицо сделало ее похожей на призрака. Глаза стали еще ярче – и казалось, что заплачь она сильнее, слезы окрасятся зеленым. Но Катя лишь заправила за ухо непослушную прядь волос.

Не успела она оправиться от одного потрясения, как ее настигло другое. За спиной раздался протяжный скрип двери – в фильмах ужасов с этого обычно начинаются проблемы героев. Катя спешно открыла кран, чтобы умыться. Ледяная вода защипала кожу.

– Решила поправить макияж? – Высокий манерный голос резанул слух. Так мог говорить только один человек в редакции. И Катя предпочла бы смыться по канализационной трубе, нежели встретиться с Ирккой.

– Извини, что вторглась в твой кабинет без спроса, – сухо ответила Катя.

Умение появляться неожиданно и некстати было главной чертой автора общественно-политической колонки. Хитрые глазки-буравчики впились в Катю. Ирка учуяла сплетню. Длинная и худая, похожая на багет для штор, она нависла над Катей, преграждая путь к отступлению.

– Не забудь включить шутку в свой сборник анекдотов, или что ты там пишешь? – прошипела Ирка.

Дыхание у Кати перехватило: то ли от возмущения, то ли от резкого запаха, который источала Ирка. Она называла это духами, но больше смахивало

на освежитель для воздуха.

Катя ловко обошла Ирку, бросив на ходу:

- Обязательно. И помещу твой портрет на обложку.

Выскочив в коридор, Катя спешно зашагала прочь, мысленно награждая Ирку различными определениями. Никогда не злите филологов – к каждому оскорблению они найдут десятки синонимов.

Когда Катя вернулась к своему рабочему месту, Дарья спросила:

- Эй, ты в порядке? – Тут она звучно хлебнула кофе из большой кружки. – Тебя как будто забетонировали.

- Что-то вроде того, – сквозь зубы процедила Катя.

У нее действительно было ощущение, что все тело превратилось в каменную глыбу. От этого напряжения становилось тяжело дышать и шевелиться.

Она с вызовом открыла блокнот, словно что-то хотела доказать ему. Когда ее рука стала неметь от быстрого письма, Катя остановилась. Шумно выдохнула, обвела взглядом исписанные страницы. Блокнот позволял выговориться, не произнеся ни одного слова вслух. Это успокоило, и Катя вернулась к прорванной трубе по улице Ленина. Даже бумажка, на которой расписывают ручки, читалась бы увлекательнее...

На заднем плане шумела неугомонная Дарья, всегда находившая себе занятие, лишь бы не работать. Вначале она декламировала состав печенья, шурша упаковкой, потом неумело пыталась напеть мелодию, услышанную по радио с утра, а после отправилась поливать цветы на подоконнике, которые при таких же обстоятельствах поливала вчера. Пару раз Катя бросала гневные взгляды на Дарью, но просить ее замолчать было бесполезно. Даже когда Дарья, в ее понимании, «ничего не делала», она все равно издавала много шума: раскачивалась в скрипучем кресле, щелкала авторучкой или постукивала ногой. Поэтому Катя предпочла оставить все как есть. В конце концов запал Дарьи иссякнет, и она вернется к монитору, чтобы греметь клавишами. А к этому звуку

Катя уже привыкла.

Спустя час принтер брезгливо выплюнул распечатанную статью и снова затих. Катя схватила лист и поспешила сбежать от шумной коллеги. Никогда прежде она не думала, что кабинет начальницы станет для нее убежищем. И пусть там Катю ждал испепеляющий взгляд, но от него хотя бы уши не болели.

Начальница скучающе посмотрела на Катю, оторвавшись от пасьянса на мониторе, и нехотя протянула руку, как бы говоря о своем намерении уделить минутку бездарной статье. Вслух главред произнесла только одно слово: «Присядь», – и вновь погрузилась в молчание. Катя села и нервно заерзала на стуле, готовясь к очередной порции критики. Начальница долго изучала материал и за это время успела перебрать все положения, отражающие высшую степень ее задумчивости. Она то потирала подбородок, то замирала, подперев голову рукой, и становилась похожей на скульптуру. А потом резко оживала и устремляла свой томный взгляд куда-то вдаль, хотя дальше стены с аляповатой картиной деться ему было некуда. Кате стало казаться, что она написала диссертацию, а не статью о прорванной трубе.

Наконец главный редактор отложила лист и, нарочно выдержав драматичную паузу, сказала:

– Так гораздо лучше...

Она хотела что-то добавить, но вместо этого лишь махнула рукой, мол, ты свободна. Катя почувствовала себя заключенным, которого отпустили, признав его невиновность. Она покинула кабинет и облегченно выдохнула.

Остаток рабочего дня походил на многие другие, как будто кто-то проигрывал один и тот же записанный отрывок из кинофильма. Будням не мешало бы поучиться изменчивости у погоды. Дождь сменился робкими лучами солнца, которые пробивались сквозь тучи. Небо обещало устроить непогоду, но еще давало время на прогулку.

Ноги сами привели Катю к набережной – месту размышлений и воспоминаний. Она остановилась у парапета, откуда открывался живописный вид на другой берег, и достала из сумки блокнот.

От ветра по воде шла беспокойная рябь, и река напоминала зверя со вздыбленной шерстью. Когда-то Катя была уверена, что на дне мутной реки обитает такой зверь, поэтому не решалась подходить к парапету слишком близко. Она выросла, а страхи никуда не делись – сменились только образы, которые ее пугали. В сумерках река становилась угрюмой и зловещей. Отражения городских огней превращались в сотни глаз, смотрящих из глубины.

Катя приходила сюда, когда на душе было скверно. Здесь чувства обострялись и сгорали быстрее. Она всегда покидала это место с приятной пустотой внутри, будто скармливала речному зверю свои переживания. И сегодня Катя явилась с тем же намерением.

Она перечитала свою последнюю запись в блокноте. От этих строчек стало грустно и холодно до мурашек. Катя шмыгнула носом и поправила берет, закрывая мочки ушей. А потом решительно вырвала исписанные листы, скомкала и бросила в воду.

Она наблюдала, как смятые листы раскачиваются на речной ряби, как, намокая, бледнеют на них чернила. И так увлеклась этой печальной картиной, что не заметила, как начала плакать. Только когда порыв ветра обжег щеки холодом, она принялась вытирать слезы рукавом пальто.

Внезапно Катя ощутила рядом чье-то присутствие и резко обернулась, чем застала наблюдателя врасплох. Шурик тут же покраснелся, как вареный рак. Поздоровался невпопад, словно забыл, что утром они виделись в редакции. Шурик занимался тем, что заведовал газетными объявлениями и пытался приударить за Катей. А еще он всегда носил клетчатые рубахи, застегнутые, как положено всем Шурикам, вплоть до верхней пуговки. Пожалуй, это все, что Катя знала о нем.

Парень нервно облизал обветренные губы и выдал:

– Не подумай ничего дурного, я случайно тебя встретил.

Катя не знала, что ответить, и чувствовала себя неловко. Ее молчание было принято за осуждение, поэтому Шурик затараторил:

– Я вовсе не следил за тобой. Просто живу тут неподалеку и всегда хожу этой дорогой... Случайно заметил тебя и подошел. Мне показалось, что ты плачешь...

Он замолчал, чтобы перевести дыхание. Пригладил торчащие волосы, похожие на солому. Катя оставалась невозмутимой – и безразлично ответила одно только «Понятно».

– Я подумал... вдруг смогу тебе помочь?

– Я не плакала. – Она мотнула головой и отвернулась.

– Зачем врать? Я видел, как ты вытирала слезы.

– А ты не знаешь, почему люди иногда врут? Они просто не хотят, чтобы кто-то лез в их жизнь, – пробурчала Катя.

– Но ты ведь не такая. Ты всего лишь хочешь казаться сильной и неприступной, но ты очень ранима, и мне...

– Пожалуйста, замолчи, – перебила Катя и строго посмотрела на него, чтобы он понял: она не шутит.

– Извини. – Пыл Шурика угас, и следующие его слова прозвучали тихо и робко, будто он еще не определился, говорить их или нет. – Я думал, что смогу тебе помочь. Но раз ты уверена, что все хорошо... я пойду. До завтра.

Он изобразил что-то вроде улыбки: уголки его губ едва вздернулись и снова уныло опустились. Похожий на щенка, которого отругали за баловство, Шурик понуро побрел по набережной. Катя проводила его взглядом; хотелось крикнуть вдогонку: «Прости», но что-то остановило ее. Слова комком застряли в горле, даже дышать стало тяжело.

Пока она боролась с желанием догнать Шурика, тот уже скрылся из виду. На улице окончательно стемнело и резко похолодало. Порывы ветра толкали ее в спину, прогоняя прочь. Укутавшись в шарф, Катя торопливо зашагала к остановке. Тут же заморосил дождь, словно учуяв самый подходящий для себя момент. С досадой она вспомнила, что забыла зонт в редакции. Пришлось

спасаться поднятым воротом пальто.

Добежав до остановки, Катя кое-как протиснулась под козырек. Горожане толпились на маленьком пяточке, толкаясь и стараясь занять спасительное место, до которого капли не достанут. Заполненные автобусы с трудом открывали двери, чтобы избавиться от старых пассажиров и впустить новых. Людская суета доходила почти до паники, как будто осенний дождь приравнивался к катастрофе.

Подъехал очередной автобус, похожий на жестяную банку с килькой. К нему хлынула целая толпа «рыбешек» и тут же исчезла внутри. Осталась только бабулька, которая раздумывала, кому первой оказаться в салоне – ей самой или необъятной сумке. Жестянка на колесах дернулась, грозясь уехать. Старушка с наскока покорила подъем и затянула баул за собой. Автобус лязгнул дверями и тронулся, не заметив, как что-то, цепляясь за ступеньки, шлепнулось в лужу.

Казалось, никто, кроме Кати, не увидел этого. Она сделала пару шагов и прищурилась, пытаясь различить в мутной воде упавший предмет. Книга! Не задумываясь, Катя выудила ее из лужи. Ветхому сборнику стихов и так досталось сполна, а теперь, намокнув, он выглядел не лучше половой тряпки. Совершенно безнадежная вещь, выбросить которую, однако, стало жалко.

Уже сидя в душном салоне, Катя пыталась просушить страницы бумажными салфетками, что нашла в сумке. Положив книгу на колени, она бережно перебирала непослушные страницы. На них не встретилось ни одной буквы: только разбухшая бумага, как если бы чернила смыло водой. Что-то зловещее таилось в этом: Катя будто смотрела в пустые глазницы. По коже пробежали мурашки.

Она захлопнула книгу и спрятала между сиденьями. Осмотрелась: не заметил ли кто? Поймала любопытный взгляд пассажира напротив. Щуплый, остроносый тип наблюдал за ней из-за стекол квадратных очков. Он напоминал птицу, которую завернули в плащ, поэтому чужими казались руки, торчащие из широких рукавов, и ноги в ковбойских сапогах. В тонких, похожих на птичьи лапки, руках тип держал книгу, прикрыв ею нижнюю часть лица. Кате стало не по себе. Точно уловив ее мысли, незнакомец отвел взгляд. Но это не успокоило Катю – на душе остался неприятный осадок.

На остановке она поспешила выйти и смешаться с толпой. Минутная тревога осталась там – на соседнем сиденье грохочущего автобуса, который уносил от адресата важное послание...

Глава 2

Фальшивые заметки

Катя в задумчивости провела рукой по зазубринам вырванных страниц, которые торчали из переплета, как оскалившиеся клыки. «Прости», – тихо сказала она и погладила страницу, словно пыталась усмирить разъяренного зверя. В ее выдуманном мире блокнот превратился в нечто одушевленное, способное ощущать боль, злиться и принимать ласку. Двести страниц в переплете – подходящая компания для такой нелюдимой персоны, как она. Катя хранила все свои бумаги: глупая привычка заполнила ящик стола исписанными блокнотами, тетрадками и листами. Они принимали ее любой: радостной и грустной, с новыми идеями и старыми переживаниями.

День выдался скверным, и единственным спасением от реальности было воображение. Катя открыла чистую страницу, аккуратно вывела: «Предисловие» и замерла, собираясь с мыслями. Сколько времени прошло с первой идеи написать роман до этого слова? Катя не могла сосчитать – ей вовсе не нравились числа. Она испытывала трепетную любовь к словам. Еще вчера из-под ее пера выходили только дешевые истории о прорванных трубах и упавшей линии электропередач, а сегодня предстояло вдохнуть жизнь в своего персонажа. Она чувствовала радость, волнение и страх одновременно, точно собиралась на долгожданную встречу с реальным человеком.

...Катя так увлеклась, что потерялась во времени. Даже когда веки отяжелели, она продолжала выводить буквы. Вдруг во сне все идеи и слова потеряются?

Она очнулась с неприятным ощущением. Попыталась пошевелиться, но любое движение отдавалось колкой болью в теле. Опершись на стол руками, она вначале подняла голову, потом, не делая резких движений, выпрямилась. Диагноз: уснула за столом, подложив под голову блокнот вместо подушки.

Она стала мерить комнату шагами, пытаясь размять затекшие мышцы. Прodelав путь от стены до стены, Катя выглянула в окно. Ночной мрак уже начинал рассеиваться, предрассветная дымка окутывала громоздкие силуэты домов и тощие деревья, почти сбросившие листву. Тишина спящего города ласкала уши. Ни одной проезжающей машины, ни единого звука... Это было короткое время, когда природа становилась здесь главной.

«Мы возводим бетонные глыбы, ездим на пытящих железках, до глухоты слушаем пластмассовые коробки – и всё для того, чтобы отгородить себя от природы. Заменяем натуральность искусственностью, а искренность – лицемерием. Мы не знаем меры, все строим и строим: вначале стены домов, затем стены друг между другом, а потом – крепости внутри себя». Катя улыбнулась своим мыслям и вернулась к блокноту, чтобы записать их.

Взгляд остановился на последнем тексте, который она прилежно дописала до конца, прежде чем уснуть за столом.

Предисловие

Я смотрела в его голубые глаза и думала: «Интересно, что сейчас творится у него на душе?» Мне хотелось узнать его, чтобы понять, и понять, чтобы полюбить.

Если бы можно было заглянуть в душу, что бы вы увидели? Цветущий луг, бушующее море или бесконечные галактики с хвостатыми кометами? Умиротворение и беспокойство, смятение, грусть и смелые мечты... каждая эмоция, мысль, чувство отражается в нашей душе, как в зеркале. Скажи, что ты счастлив, — и я представлю, как в твоей душе распускаются цветы; признайся, что тебе грустно, — и я увижу, как в твоей душе идет дождь.

Давай вообразим, что в душу действительно можно заглянуть. Вот ее обитель, вот дверь, куда можно постучать, вежливо спросив разрешения войти, или бесцеремонно распахнуть ее, оправдав свою наглость любопытством. Вот

слышен скрип этой воображаемой двери, и ты, наконец, можешь увидеть, что там. Так что же?..

Когда я стучалась к нему в душу, мне приходилось долго ждать разрешения войти. Я в нетерпении топталась на пороге, дрожа от холода, и вслушивалась в каждый звук, чтобы не пропустить его голоса. Иногда он просто приоткрывал дверь, и я могла видеть лишь мрак за его спиной. Порой он и вовсе отказывался открывать, притворяясь, что не слышит меня. А случалось и так, что он, забывшись, радостно распахивал дверь передо мной и приглашал войти. В такие редкие моменты я несмело переступала порог и смотрела, смотрела, смотрела — чтобы не пропустить ни одной детали, чтобы успеть разглядеть как можно больше...

Я видела удивительные вещи: целые Вселенные, цветущие поля и безоблачное летнее небо, которое отражалось в его голубых глазах. Вот почему снова и снова приходила: мне было уютно с ним, как может быть под мягким пледом с чашкой горячего шоколада. Но как только я заходила слишком далеко или настроение его портилось, он бесцеремонно захлопывал передо мной дверь.

Он был похож на хозяина дома, который отказывался принимать гостей, если комнаты в беспорядке. Когда что-то тяготило его, а в душе творился бардак, он просто замыкался на все замки, и мне было не достучаться до него. Я звала и просила, дрожала от холода и плача, а он словно и впрямь меня не слышал. Казалось, что по ту сторону двери, внутри его души, бурлило и шумело море, а волны разбивались о его ребра. Вероятно, если бы он открыл дверь, пенящаяся вода захлестнула бы и меня — может, поэтому он не отвечал?

Я обижалась. Мне хотелось ответить тем же, чтобы и ему стало невыносимо больно. Но иногда успокаивала мысль, что каждый из нас когда-то отказывался открыть дверь в свою душу. Не сосчитать, сколько разочарований принесли опрометчиво распахнутые двери и сколько раз замки спасали наши души от посторонних глаз.

Утренняя бодрость сменилась головной болью от почти бессонной ночи. Веки стали словно пластмассовыми. Кате казалось, что она по-прежнему спит и все, что с ней происходит, — скучный и бессмысленный сон. Сегодня ее не интересовали оконные галактики, а блокнот одиноко лежал на краешке стола. Дарья рассказывала какую-то забавную историю. В ушах Кати это звучало назойливым шумом. Заметив, что ее не слушают, Дарья замолчала и насупилась,

как ребенок, на которого не обратили внимания. Но вскоре любопытство пересилило обиду. Дарья, решительно встала со своего рабочего места и устремилась напрямик к столу Кати.

– Эй, ты чего?

– Слишком громко. – Катя инстинктивно прикрыла ухо ладонью и скривилась, точно жевала лимон.

– А по-другому ты меня не слышишь, – пожала плечами Дарья. Не в ее правилах было извиняться. – Так что с тобой?

– Плохо спала.

– Тогда прогуляйся, купи себе кофе и взбодрись. – Катя знала, что Дарья пыталась о ней позаботиться, но слова прозвучали так, будто она отдавала приказ. – Кстати, на углу в киоске очень вкусный латте.

– Спасибо, – пробурчала себе под нос Катя и засуетилась, собираясь за кофе. Набросила на плечи пальто, спрятала в кармане кошелек и прихватила блокнот.

– А блокнот тебе зачем? – удивленно спросила Дарья и, хихикнув, добавила: – Ты и без того с ним ходишь повсюду. И ванну принимаешь?

– Привычка. – Катя передернула плечами, демонстрируя, что такие шутки ей не по душе.

– Можешь оставить его. Обещаю, что никто твои тайные записи не прочитает, – заверила Дарья и подмигнула.

Катя была вынуждена положить блокнот обратно.

Людам не нравятся чужие странности: они раздражают и создают повод для насмешек. Как смеялись над Шуриком, собирающим коллекцию бестолковых объявлений, как за спиной шутили над главредом, которая все новости считала беспрецедентными, так, возможно, обсуждали и ее, Катю, косо поглядывая на блокнот и строя предположения, почему она всегда носит его с собой.

От этой мысли стало не по себе, словно она на самом деле подслушала чей-то разговор.

Катя поспешила уйти; вдогонку раздался громкий голос Дарьи, требующий прихватить кофейку и для нее. Интересно, она научилась манипулировать людьми из книжек по психологии или это умение дается некоторым с рождения?

Город жил предчувствием дождя: воздух пах сыростью, ветер гонял по тротуару ворох желтых листьев. Люди спешили по улице в муравьиной суете; кутались в шарфы и хмурили брови, точно их лица были отражением туч. С неба сыпалась противная водяная пыль, будто кто-то там, наверху, шутки ради брызгал из пульверизатора. Катя поправила берет, съехавший на глаза, и спрятала руки в карманах пальто. До чего же противная погода!

Горячие стаканчики быстро согрели ладони. Кофе – это лекарство от осени. Глубокий вдох кофейного аромата – и ты уже не чувствуешь запаха прелых листьев; пара глотков обжигающе горячего напитка – и внутри тебя разливается тепло. Ты в блаженстве закрываешь глаза, чтобы обострить свои рецепторы, и, кажется, готова поселиться в этом кофейном стаканчике, свернувшись по-кошачьи на дне, и задремать до весны.

Мелкие капли стали сплошным потоком – видимо, вода в опрыскивателе закончилась и некто, смотрящий за дождем, обзавелся лейкой. Катя едва успела добежать до редакции, чтобы окончательно не промокнуть. В кабинет она вернулась совсем иным человеком: бодрым и веселым, точно дождь смыл с нее будничную пыль.

– Ну и погодка там, – хихикая, сказала Катя, ставя перед Дарьей стаканчик с кофе.

– Ты такая веселая, словно тебе продавец сдачу щекоткой отдал, – усмехнулась Дарья, наблюдая за Катей, как детектив – пытаюсь выявить каждую странность в ее поведении и уличить во лжи.

С тех пор как Дарья увлеклась физиогномикой, она в любой ситуации искала повод применить свои познания. Поэтому, почесав нос в ее присутствии, можно было заработать звание вруна. Дарья полностью исключала тот факт, что нос может чесаться просто так.

– Тебе не угодишь. – Катя пожала плечами и села за стол.

– Не хмурься, кофе вкусный.

Дарья забренчала мелочью. Проверила кошелек, карманы, подставку для ручек – и отовсюду выудила монеты.

Катя привыкла к шумовому фону и научилась переключать свое внимание. Вот и сейчас, под лязг монет, она пыталась дословно записать фразу, которую придумала на улице. Когда новая идея была спасена, Катя вернулась к недавним заметкам. Она часто перечитывала написанное и могла по нескольку раз править неудобное предложение, выстраивая многоэтажки зачеркнутых строчек.

Она пробежала взглядом по страницам, но внезапно что-то смутило ее в тексте – словно кольнули иголкой. Катя вернулась к началу и стала вчитываться, выискивая причину смятения. Наверняка описка или пропущенная запятая – из-за невнимательности и быстроты письма она часто допускала глупые ошибки.

Взгляд остановился на первом же абзаце. Странно, подумала Катя, почему вдруг «голубые глаза» оказались зачеркнутыми? Если она вносила правки, то почему не написала другой вариант? Она прочитала текст дальше и остановилась уже на середине: «...безоблачное летнее небо, которое отражалось в его голубых глазах» – чем ее не устроил цвет глаз, что она повторно исправила это? А какими должны быть глаза, если в них отражается летнее небо? Определенно, голубыми.

В недоумении Катя смотрела на исписанные страницы. В самих исправлениях не было ничего удивительного, но она не могла вспомнить, почему зачеркнула правильный вариант. Может, она хотела написать «лазурные»? Но разве она когда-нибудь написала бы так? Что за безвкусица! От этой мысли Катя даже фыркнула, настолько ей не понравился подобранный эпитет. Она стала читать дальше – может, слова повторяются? Но больше в тексте не встречалось «голубых глаз». Зато на полях была приписка. И как она раньше не заметила? Это тоже выглядело странным. Во-первых, Катя никогда не оставляла заметок на полях. Во-вторых, не писала такими тонкими и корявыми буквами, которые походили на колючки, торчащие в разные стороны. В-третьих, она ясно помнила, что не писала такого: «У меня карие глаза, имей в виду!» Неужели кто-то

бесцеремонно взял ее блокнот, прочитал записи и оставил эти закорючки?

- Даша, - позвала она. Голос прозвучал жалобно и тонко, как мяуканье котенка.

- Мм?

- Ты не трогала мой блокнот?

- Сдался он мне, - фыркнула Дарья. - Я и со своего места разглядеть твой блокнот успела. Ты же с ним в обнимку ходишь.

Катя пропустила мимо ушей очередную подколку.

- То есть ты его вообще не трогала?

- Ни мизинчиком, - подтвердила Дарья. И, заинтересовавшись, уточнила: -
Произошло что-то беспрецедентное?

- Мой блокнот кто-то брал и оставил здесь свои каракули, - заявила Катя с надрывом и тут же кашлянула, чтобы вернуть голосу привычный тембр.

- Ты уверена? - Дарья одарила коллегу скептическим взглядом, не разделяя паники. Ее журналистское чутье подсказывало, что ситуация ничем интересным не пахнет. А вот что пахнет, так это кокосовое печенье на блюдечке. - Может, просто записала и забыла?

- Я похожа на сумасшедшую? - обиженно спросила Катя. И хотя Дарья не подтвердила этого, но и от категоричного «нет» воздержалась, оставляя вопрос открытым. Вместо ответа она озвучила еще одно предположение:

- Может, Шурик подшутил? Если бы меня так нагло отшили, я бы тоже разозлилась. И на лбу у обидчика что-нибудь написала бы, а не в блокноте.

- Никаких оскорблений тут нет, - сказала Катя, однако хотела спросить, откуда Дарье известно о вчерашнем разговоре на набережной. Неужели Шурик поведал ей обо всем? Она решила вернуться к этому вопросу позже, а сейчас разобраться с нелепыми правками. - Вот, взгляни.

Катя протянула коллеге блокнот и указала, на что нужно обратить внимание. Иначе эта сыщица будет полчаса разглядывать страницы и искать подвох в каждой букве. «Профессиональная хватка», – сказала бы Дарья; «Дотошность», – подумала бы Катя. Но сейчас коллега молчала и буравила взглядом приписку на полях. Казалось, что от ее взгляда бумага прожжется, и после этого Дарья скажет: «Вуаля! Никакой записи больше нет. Можешь жить спокойно!»

– Глупости, – вместо этого заявила Дарья небрежно, словно мусор в урну бросила. – Разве эта фраза стоит того, чтобы заморачиваться? Если бы тебе оставили угрозы или оскорбления, я бы еще поняла твое беспокойство. А это – буря в стакане. Кстати, Катерина, выпей кофейку!

– Глупости?! Кто-то берет мои вещи, читает личные записи, пишет бессмыслицы, а мне нужно радоваться появлению нового читателя?

– Да что ж ты там такое пишешь! – всплеснув руками, воскликнула Дарья. – План по захвату мира? Древние заклинания?

Оказывается, в копилку невероятных версий о содержимом блокнота добавились любопытные экземпляры. Почему-то в редакции всем было дело до нее. Девочка, не расстающаяся со своим блокнотом, была, по их мнению, чудачкой. Неудивительно, что кто-то решил пошутить.

– Даже если здесь, – Катя потрясла в руках блокнот, – телефонная книга, это никому не дает права брать чужие вещи!

– Брось ты, – отмахнулась Дарья, которую этот разговор успел утомить, – наверняка это просто шутка.

– Значит, у кого-то плохо с чувством юмора. – Катя нахмурилась и замолчала. В любом случае лучшим решением было вернуться к работе. А вечером, когда Шурик заглянет к ним в кабинет, чтобы попрощаться, она прямо спросит, не его ли это проделка.

И все же ситуация никак не оставляла Катю в покое. Странное чувство, поселившееся в ней со вчерашнего вечера, когда она нашла пустую книгу, росло

и множилось. Сосредоточиться на работе она не могла. Катя нервно перекладывала вещи, пытаясь отыскать улики, которые мог оставить злоумышленник. Не найдя ничего, она не выдержала и снова обратилась к Дарье:

– Кто-нибудь заходил в кабинет, пока меня не было?

Дарья отвлеклась от монитора и на несколько секунд зависла, вспоминая.

– Никто не заходил, – подытожила она. – Я как раз ходила за новым картриджем, потому что собеседников тут не нашлось.

– То есть ты оставила кабинет открытым?

– Ну конечно! – Дарья всплеснула руками, поражаясь бестолковости коллеги. – А ты видишь здесь что-то ценное? Думаешь, кто-то проникнет сюда и похитит наш увядающий фикус?

– Во-первых, Даша, – стиснув зубы, произнесла Катя, – наш фикус увядает, потому что ты заливаешь его водой! А во-вторых, в твое отсутствие кто угодно мог зайти сюда и взять мой блокнот!

Голос Кати сорвался на крик. Дарья, лицо которой приобрело выражение глубочайшего удивления, застыла на стуле. Но это не сделало ее невидимой, чтобы спасти от рассерженной коллеги.

– Принести тебе водички? – пискнула Дарья в попытке примириться.

– Нет. Я не хочу закончить как наш фикус, – пробурчала Катя, заправляя за ухо прядь волос. Она пыталась привести себя в порядок одновременно и морально, и физически. Но ничего из этого не получалось: щеки по-прежнему пылали, а внутри бушевали эмоции.

Дарья сдержанно хихикнула.

– Ладушки, можешь назвать меня тупицей, – снисходительно предложила она. – Я не подумала, что кто-то в наше отсутствие может прийти и прочитать твои

личные записи. Извини. Но ничего ведь катастрофического не произошло? Ты же там не любовный дневник ведешь?

Катя метнула в Дарью гневный взгляд. Очевидно, этот начинающий физиономист всерьез проверяла одну из своих версий и сейчас с прищуром наблюдала за мимикой, чтобы распознать ложь. В самый неподходящий момент кончик носа предательски зачесался. Проклятье! Катя сжала кулаки, чтобы ненароком не совершить изобличающий жест.

– Я бы посмотрела на тебя, если кто-то пришел, слопал все твоё печенье и попил кофейку из каждой твоей кружки. В этом ведь нет ничего катастрофического, правда? – с ехидством спросила Катя.

– Да я бы уничтожила этого хама! – воинственно воскликнула Дарья и для убедительности своих слов ударила кулаком по столу. В пустой кружке, стоящей на краю стола, жалобно звякнула ложка.

– Вот видишь, – со вздохом сказала Катя и вернулась к созерцанию страницы с корявым почерком. Но даже под гипнозом блокнот не выдал своего обидчика.

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание. За это время Дарья успела глубоко проникнуться проблемой коллеги и мысленно провести независимое расследование.

– Это Шурик, точно тебе говорю! – сказала она шепотом, словно злоумышленник стоял под дверью. А потом с авторитетом знатока криминальных хроник добавила: – Все улики указывают на него. Кому, кроме Шурика, может быть интересен твой блокнот?

Катя согласно кивнула. Она почти не сомневалась, что виновник сидит в соседнем кабинете, читая присланные в редакцию объявления. Представив эту картину, Катя разозлилась и решила обязательно высказать все Шурику. «Казнь» была назначена на послерабочее время, в ожидании которого Катя беспокойно ерзала на стуле и поглядывала на часы. После размышлений она почти уверилась в том, что виноват именно Шурик, ведь обида заставляет людей совершать глупые поступки. А поскольку это был обиженный Шурик, то иных поступков ждать не приходилось.

Когда до конца рабочего дня оставалось десять минут, Катя засуетилась. Выключила компьютер, сорвала с монитора неактуальные стикеры, с наслаждением скомкала и с точностью баскетболиста швырнула их в урну. Потом надела пальто, застегнув все пуговицы, вплоть до самой неудобной, верхней. И наконец села обратно, положив сумку на колени, а блокнот – перед собой.

Теперь все было готово к появлению Шурика, а он почему-то не приходил. Пару раз к ним заглядывали другие сотрудники, зря обнадеживая Катю звуком приближающихся шагов. Но внезапно ее посетила мысль, что если Шурик задумал эту шалость, он не явится, чтобы попрощаться. Конечно, кто же возвращается на место своего преступления?

Секундное озарение вытолкнуло ее со стула, как пружина катапульты. Катя выскочила из кабинета, спешно попрощавшись с Дарьей, которая дописывала статью, хотя реальная причина ее задержки на работе наверняка таилась в неумном любопытстве.

Катя направилась напрямик к рабочему месту Шурика, однако на полпути заметила его силуэт справа от себя. Она обернулась и уловила взглядом, как тощая сутулая фигура скользнула вниз по лестнице. Пospешила следом, окликнула. Вместо того чтобы сбежать, Шурик застыл в дверях, удивленный и растерянный.

– Подожди, – крикнула Катя и запрыгала вниз по ступенькам, торопясь и пыхтя, как подошедшее в кастрюле тесто. Шурик послушно дожидался ее. Поравнявшись с ним, Катя радостно добавила: – Хорошо, что я тебя догнала!

– Пожалуй, – невесело отозвался он. Рука его потянулась, чтобы пригладить волосы, но застыла на уровне подбородка и опустилась.

– Хотела спросить у тебя кое-что, – деловито заявила Катя и толкнула дверь, выходя на улицу.

– Не подумай ничего дурного, – раздалось ей вслед. Голос Шурика был настолько тих и бесцветен, что, казалось, не принадлежал никому и существовал сам по себе. – Странно, что ты захотела со мной поговорить. Вчера ты не хотела со мной разговаривать.

– Кстати, о вчера... Я хотела извиниться за то, что была груба...

Тут лицо его озарилось надеждой и неуверенной полуулыбкой.

– ...но из-за этого, – она потрясла перед ним блокнотом, – мне хочется наговорить тебе еще больше!

– Что-то случилось? – Шурик непонимающе захлопал глазами.

– Признайся честно, это ты сегодня брал мой блокнот и писал в нем? Ради шутки? Или в отместку? – выпалила Катя. Ей не терпелось разоблачить этого тихоню. – Вот, смотри!

Она открыла блокнот на нужной странице и указала пальцем на фразу, написанную корявым почерком. Катя внимательно следила за реакцией Шурика, но его лицо не выражало ничего, кроме искреннего недоумения, что раздражало еще больше. Катя так хотела уличить в чем-то Шурика, что готова была поверить в его вину без всяких доказательств.

– Это не я.

– И как докажешь? – не сдавалась Катя.

– Я бы не стал врать и вредить тебе. – Он опять погрузился, отчего голос стал еще тише.

– Признайся. Обещаю не обижаться! – Катя смягчилась.

Неумелая попытка задобрить допрашиваемого с треском провалилась.

– Я не трогал твои вещи и тем более не читал записи! Думаешь, я мог так поступить из-за обиды? Но мне не за что обижаться на тебя.

– Ты не зашел сегодня попрощаться, это разве не проявление обиды?

– Ну ты же сама вчера попросила не беспокоить тебя! – отчаянно воскликнул Шурик. Но внезапный порыв тут же угас и сменился привычным спокойствием. – Не подумай ничего дурного, я просто решил, что моя навязчивость тебе не нравится. Что-то совсем тебя не понимаю...

– Я хотела выяснить, кто брал мой блокнот, – тихо сказала она, растеряв свою напористость.

– Но это не я. Хотя бы потому, что у меня не карие глаза. – Их взгляды встретились. Его серые, как сегодняшнее небо, глаза, осуждающе смотрели на нее, будто ее незнание приравнивалось к преступлению. За время работы в редакции она никогда не обращала внимания на цвет глаз Шурика, а с тех пор как начались его ухаживания, и вовсе избегала встречаться с ним взглядом.

Все его слова и эмоции были искренними, как у ребенка. Он даже обиды своей не скрывал. Шурик пробормотал невнятное прощание и зашагал прочь. Ситуация повторилась. Слова, которые она хотела сказать еще вчера, наконец-таки сорвались с ее губ:

– Прости!

Ее голос остановил его и заставил обернуться.

– И ты меня прости, – ответил Шурик, – за то, что не подошел на роль обвиняемого.

На этом их разговор закончился. Катя наблюдала, как сутулая фигура удаляется, и щеки ее пылали – от стыда. Хотелось догнать Шурика и повторить извинения, чтобы увидеть в ответ его робкую улыбку.

Какой же глупой нужно быть, чтобы бросаться обвинениями не разобравшись! Но если Шурик ни при чем, кто оставил эту записку? Ведь не могла она появиться сама собой. А что, если это дело рук Ирки – любительницы нападать исподтишка? Бессмыслица какая-то. Ирка из тех натур, что предпочли бы прилюдно унижить ее, нежели оставлять глупые приписки на полях.

Начался дождь, холодные капли отвлекли Катю от размышлений. Она раскрыла зонт и поспешила на автобусную остановку, стараясь думать об отвлеченных вещах. Однако случай с блокнотом не выходил из головы. Она не выносила, когда трогают ее вещи, и тем более не любила, когда кто-то без разрешения читает личные записи. Катя чувствовала себя так, словно кто-то без стука вломился в ее душу и оставил повсюду отпечатки пальцев.

Внутри была пустота и серость, как если бы по пути домой она проглотила тучу. Эмоции, которые Катя сегодня испытала – от злости до стыда, – забрали все силы. Мысли кружились, но были хаотичны и бессвязны, как вырванные из контекста фразы. Раньше от беспорядка в голове спасали записи: на бумаге размышления обретали форму и смысл. Но ей впервые не хотелось писать в блокноте.

Если вы когда-то теряли друга, внезапно осознавая, что этому человеку больше нельзя доверять, то легко представите, что ощущала Катя. Самый надежный хранитель мыслей оказался предателем – кто-то читал слишком личное и посмеялся над ней, добавив свои словечки на полях. Она не хотела оставлять новые заметки, пока не выяснит, кто был этим шутником. Казалось, что некто до сих пор подглядывает, ожидая очередного повода для насмешки.

И все же Катя открыла блокнот – чтобы еще раз взглянуть на его исписанные страницы, прежде чем убрать в ящик от посторонних глаз. «Так будет лучше», – думала она, просматривая свои ранние записи. Никто больше не обратит внимания на девушку, таскающую с собой блокнот; никто не спросит, что она записывает там; и никто не сможет прочесть ее сокровенные мысли.

Катя дошла до последней исписанной страницы – корявый почерк на полях бросался в глаза и кололся своими острыми сплюснутыми буквами. Они сползали вниз и продолжались под ее текстом.

От неожиданного открытия Катя подскочила и вцепилась в блокнот так, точно он пытался убежать от пристального взгляда. Удивительно, но на странице появилась еще одна запись! Теперь буквы-колючки, как сорняки, выросли в конце страницы: «Привет! Когда будешь исправлять наглое вранье обо мне? Я жду».

Глаза ее расширились от удивления и желания внимательнее взглядеться в текст. Шутник осмелел и разговорился. Спустя несколько минут на смену эмоциям пришла логика. Катя была уверена, что раньше этого текста не видела, а появился он за то время, пока она возвращалась домой. Но блокнот она держала при себе – никто не мог оставить там надпись незаметно. Возможно, шутник использовал для розыгрыша ручку с проявляющимися чернилами? Что за бред приходит ей в голову!

Катя раздраженно захлопнула блокнот. «Хватит!» – мысленно приказала она себе. В жизни столько проблем, а она пытается разгадать тайну записей в своем блокноте. Дарья была права: это бессмыслица! Незачем устраивать расследование, если можно просто перенести записи на компьютер и избавить себя от насмешек и лишнего внимания.

В дверях ее души заскрежетал замочный механизм. Пока засовы и цепочки, лязгая, закрывали воображаемые двери, Катя ждала, когда включится компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yurkina_zhenya/chitay-menya-vsluh-tom-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)